

УДК 82-31

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.1.022

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ КАК ЖАНРОВАЯ СТРАТЕГИЯ (на материале повести А. Г. Битова «Дачная местность»)

Д. О. Котомцев

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск

В статье предложен анализ интеллектуального начала в поэтике «дубля» А. Г. Битова – повестей «Жизнь в ветреную погоду» и «Записок из-за угла». Показано, как формы интеллектуальности («сюжет мысли», эссеизм литературного философствования, авто- и реинтерпретация текстовой реальности) организуют нарративную структуру «Дачной местности» и её ценностно-смысловую концепцию.

Ключевые слова: интеллектуализм, поэтика, нарратив разгадывания, этос нарративности.

Многими критиками отмечена важная черта художественного мира А. Г. Битова, которая отразилась на его поэтике, – **интенсивное интеллектуальное** начало. Так, Ю. А. Карабчиевский в интервью признался, что чтение А. Г. Битова напоминает общение с умным человеком [3], а Е. А. Попов в эссе «Битов. Единственный экземпляр» отметил дар ума и сопутствующую этому уму рефлексию петербургского «творца» [10]. Обострённая потребность в интерпретации и переинтерпретации жизни обусловили синтез миметической поэтики и «нефигурального» способа повествования в прозе А. Г. Битова, повышенный градус литературного философствования и эссеизм как форму наррации во всех произведениях писателя – от ранней малой прозы («Дачная местность», «Аптекарский остров») до классики постмодернистской прозы – «Пушкинского дома», «Преподавателя симметрии». Однако поэтика А. Г. Битова формировалась, скорее, в модернистской парадигме художественности (Фёдор Сологуб, Андрей Белый, В. В. Набоков), что, в свою очередь, повлияло на становление постмодернизма в русской литературе (Вен. Ерофеев, Саша Соколов, Д. А. Пригов).

Одними из истоков постмодернистской интеллектуальной прозы стали две повести А. Г. Битова – «Жизнь в ветреную погоду» и «Записки из-за угла», объединённые автором с помощью странного жанрового обозначения «дубль» под общим названием «Дачная местность» (1963) [2]. В центре внимания литературоведов, обращавшихся к этому циклу, были экзистенциальные мотивы [14; 15], особенности наррации [16], метатекстуальный уровень [13], однако непосредственно жанро-

© Котомцев Д. О., 2025

вый уровень сравнительно малоисследован. В этой статье предложен анализ повести-«дубля» «Дачная местность» в аспекте поэтики интеллектуализма.

Для «высокого модернизма» начала XX в., на который в том числе ориентировано творчество А. Г. Битова, было характерно частичное ослабление и переосмысление устойчивых принципов повествования (среди них миметичность, фабульность, психологизм), что привело к развитию так называемой «интеллектуальной прозы» (восходящей к философской прозе и поэзии XVII–XIX вв., об этом см.: [6]). Интеллектуализм повысил, по мысли И. Р. Ратке, *аналитичность* и *автокомментирующее начало* в поэтике модернистского искусства [11, с. 4], охватив абстрактные формы в живописи (фовизм, кубизм, лучизм), архитектуру (конструктивизм, барочные проекты А. Гауди), театр («авангардный театр» А. Жарри, эксперименты П. Брука), кинематограф (монтаж, «экспериментальный кинематограф»). Идеологическим фундаментом процесса интеллектуализации искусства стали, на наш взгляд, установка на преобразование реальности, внимание к мыслительному дискурсу, способному менять реальность, мировоззренческая ирония, призванная «обнажить приём» (В. Ф. Ходасевич) и препарирующая конвенциональность и условность литературы. Формально-семантические эксперименты в прозе привели, по мнению И. Р. Ратке, к усложнению мотивной структуры в нарративе, деиллюзионизации образа автора, формированию нового типа героя – героя-интеллектуала, «интеллектуального конструкта» (В. Г. Резник) [Там же, с. 8], что ослабило психологический анализ душевного мира персонажей и усложнило сюжетно-фабульные структуры (отсюда – «поток сознания», мифологизация, французский «новый роман»).

Однако поэтика А. Г. Битова заметно синтетична: в его прозе виртуозный психологический анализ и сюжетное движение повествования сочетаются со сложным идейным плюрализмом, изоощрённой интертекстуальной системой, провокативной нарративной стратегией, которые обеспечивают целый спектр толкований его произведений. «Драматизм художественного кризиса» эпохи [7, с. 191] А. Г. Битов пытался осмыслить философско-эстетически, в субъективной сфере личности. В идейно-эстетическом центре интеллектуальной прозы писателя оказываются вопросы самосознания человека, выстраивания ценностной иерархии, надежда на преодоление катастрофы собственными силами. Актуализируются темы судьбы и рока – благодаря им осмысливается возможность сопротивления, поиска идеала, изменения кризисной ситуации.

Для А. Г. Битова мысль человека стала главным способом овладения миром. Искусство слова, таким образом, может быть понято как форма полилога с миром, характеристики которого в связи с философской прозой предложила Е. Н. Ковтун: «...принцип полилога, раскрытия раз-

личных жизненных позиций; сопоставление взглядов и мнений, выявляющихся не косвенно, в повседневных поступках и размышлениях героев, но непосредственно, в форме диалога и спора по важнейшим вопросам человеческого бытия, а также в развернутом авторском комментарии суждений персонажей» [4, с. 255]. Речь повествователя (или героя-интеллектуала), обращенная к миру, оказывается «пронизана внутренним диалогом все слова здесь обращены к себе самому, к мирозданию, к его творцу, ко всем людям» [1, с. 178]. Подобная структура восходит, видимо, к интеллектуальному роману В. В. Набокова «Дар» – монологическому с точки зрения речевого единства, однако диалогическому в онтологической основе – ведь в нём явлено обращение к миру (особенно к читателю-потомку, «*который в свою очередь, лишь отражение автора во времени*», по словам Кончеева [9, с. 305]), к возлюбленной Зине Мерц, к матери, к памяти об отце и даже к Н. Г. Чернышевскому. Диалогизм оказывается архитектурной структурой, а не внешне композиционной.

В этом контексте примечательна концепция М. К. Мамардашвили, проанализировавшего форму и архитектуру философско-интеллектуального романа М. Пруста «В поисках утраченного времени». Философ фактически определяет новую форму нарратива – **нарратив разгадывания**: «Значит, все эти ситуации (т. е. частотные сюжетные ситуации у М. Пруста. – *Д. К.*) обладают одним свойством: их нужно *распутывать*. И форма романа должна быть такой, чтобы участвовать в распутывании этого жизненного опыта» [8, с. 11]. «Для Пруста, – продолжает мыслитель, – <...> текст, то есть составление какой-то воображаемой структуры, является единственным способом распутывания опыта; когда мы начинаем что-то понимать в своей жизни, и она приобретает какой-то контур в зависимости от участия текста в ней. В жизни» [Там же]. М. К. Мамардашвили в данном случае говорит о непосредственном влиянии текста на жизнь самого М. Пруста: с его помощью становилась яснее линия личной судьбы писателя, – однако этот тезис оказывается универсальным для повествовательной структуры и жанрового своеобразия интеллектуального романа, в котором герой-интерпретатор текстуально осмысляет свою судьбу, видит «узор» бытия, осознаёт осмысленность и упорядоченность жизни. Пространство текста, воплощая жизненную ситуацию в сюжете, заставляет героя-повествователя (наиболее устойчивая нарративная инстанция интеллектуального романа) изменить своё восприятие происходящего, формирует новое представление, очерчивает линию личной судьбы, помогает осмыслить что-либо (или, что точнее, внести определённый смысл): «Чтобы распутать что-то, – констатирует М. К. Мамардашвили, – нужно эту ситуацию представить в каком-то особом пространстве, пространстве текста, и тогда (если этот текст удался) ситуация меняется» [Там же]. Такая «открытая» структура, декларирующая изменение жизни

в зависимости от изменения текста, влияет и на рецептивный аспект нарратива («горизонт читателя»).

Повествовательная структура битовской художественной прозы тоже основана, на наш взгляд, на нарративе разгадывания. В этом ракурсе примечательна повесть-«дубль» «Дачная местность».

Циклическая структура повести свидетельствует взаимосвязи и взаимодополненности художественного целого, хотя на первый взгляд обе повести не кажутся непосредственно связанными (нет прямых сюжетных пересечений, общих персонажей, а речевая ткань и идейная тональность и вовсе оппозиционны). Идейные структуры тоже представляются противоположными. Однако контраст как основа композиционной связи повестей усиливает целостность этоса нарративности текста, который П. Мейер условно сформулировала так: «...в то время, как повествование в первом из них (текстов. – Д. К.) движется в сторону утверждения жизни, повествование во втором посвящено смерти и отчаянию» (цит. по: [14, с. 78]). Сам же «журнал автора» – «Записки из-за угла», – по убеждению Э. Чансес, открывает «перед читателем возможность истолкования одного и того же сырого материала жизни» [Там же, с. 80]. В общем солидаризируясь с выводами исследователей, отметим всё же, что дело не только в тяготении той или другой повести к жизни или к смерти, а в формировании особого пространства, в котором смерть и жизнь уравновешены, усреднены: счастье для Сергея (героя «Жизни в ветреную погоду») оказывается пустотой, требующей заполнения, т. е. жизнедеятельности, а для рассказчика «Записок...» (фамилия которого – Битов) – осознанием и принятием естественного хода событий с помощью творческого акта. Сложная мыслительная деятельность героев приводит их к разгадке: творчество оказывается для А. Г. Битова и его персонажей формой сохранения вечности, преодоления «суэты» жизни, спасения. Приближение к этой разгадке ближе к концу «Записок...» рассказчик сбивчиво обозначает так: «... ведь это, как мне казалось, спасло меня, то, что я начал писать, ведь это сделало моё существование осмысленным и т. д.» [2, с. 194]. Но и в разгадке скрываются типичные для битовской поэтики неопределённость, альтернативность трактовки, выраженные модальностью мнения: «как мне казалось...». Впрочем, несмотря на неоднозначность фразы, оба героя А. Г. Битова приходят к осознанию силы слова овладеть пространством и временем.

Справедливым по отношению к интеллектуальной прозе А. Г. Битова кажется тезис И. З. Сураат о том, что «сила мысли – мощная затекстовая сила» [12, с. 268–277]. Каждая версия происходящего возможна и подтверждается текстуально; поэтому не выбор окончательного идейного смысла, а смысловая альтернатива становится результатом интеллектуального постижения мира и судьбы человека. Расшифровке и разгады-

ванию многоуровневой структуры бытия человека отводится ведущее место в «Дачной местности». Нарративная провокация организует повествование в *нелинейное движение* не столько событий в их чередовании, сколько *процесса осмысления* и анализа этих событий (причём не только внешних, фабульных, событий, но и внутренних, личностных, ментальных). Отсюда – внимание к вроде бы незначительным событиям жизни героев, которые словно рифмуются друг с другом: у Сергея – приезд на дачу, ссоры с женой, беседа с отцом в машине, прогулки с ребёнком; у автора записок – выступление на собрании, встречи со знакомыми, общение с женой, наблюдение за ребёнком. Бытовой характер фабульных событий позволяет героям встать лицом к лицу с естественным движением жизни. Бытое связывается с бытийным, а мир природы – с духовной жизнью личности (ср.: «Переезд на дачу стал для него действительно переселением: изменились все параметры его существования, и время в первую очередь» [2, с. 115]).

Предельность размышлений героев не снижена окружающим миром, а сфокусирована в обычных житейских условиях, что позволяет приблизить к человеку глобальные вопросы о смысле жизни и смерти, суете бездуховного существования, роли творчества, неумолимом движении циклического времени. А. Г. Битов выбирает для повествования эссеистическую форму, отличающуюся свободой в изложении философской мысли, которую сочетает с нарративом об обыкновенной жизни. Причём интересно, что в моменты наиболее интенсивного переживания А. Г. Битов передаёт слово персонажу: так, Сергей думает о ссоре с женой, и мысль его оформляется как несобственно-прямая речь в авторском тексте: «...с какой лёгкостью и убедительностью развеял я подозрения жены, хотя ничего и не стремился доказать, потому что доказывать-то действительно сейчас мне нечего – никого у меня нет. И как бы неуверенно и трудно было мне, если б я был в этот момент нечист. Главное, что оснований для подозрений в обоих случаях столько же. Но если б мне надо было что-то скрыть, мне бы самому показалось неубедительным, что я еду в город просто так, и я начал бы что-нибудь плести, будто скрывая, а на самом деле выдавая себя...» [Там же, с. 126]. А рассказчик «Записок...» и вовсе использует экспрессивные синтаксические конструкции, восклицательные предложения, а в моменты наибольшей разгорячённости переходит на сбивчивую разговорную интонацию, ругательства: «Будешь жить дальше, и перечитаешь однажды, и воскликнешь, усмехнувшись криво и победно: Господи, какой же я был дурак! ведь я ничего, ничегошеньки не понимал... и как же это я умудрился хоть что-то понять теперь? если настолько не понимал совсем не так давно! ведь это совсем не так, и слова не те, и беспомощно до стыда!» [Там же, с. 154].

Мир познаётся текстуально. Текст для А.Г. Битова становится пространством создания и осмысления гипотетических событий, фактически заменяя собой жизнь: Сергей дважды думает о начале войны и даже воображает эвакуацию, взрывы, возможную смерть; размышляет о своём невозможном чувстве к приехавшей подруге, которая вдруг оказалась связанной с другим его товарищем; а рассказик «Записок...» обсуждает свои записи с друзьями (т. е. даже не сами мысли, а их формальное запечатление на письме), думает о сне как яви, в котором он поехал с женой и дочерью на дачу в Токсово (этот сюжет в итоге воплотится в «Жизни в ветреную погоду»), и проч. «Сюжет мысли» интересует героев куда больше реальных сюжетных событий, а пространство текста оказывается наиболее оптимальным для постижения мира.

Мыслительный дискурс героев-интеллектуалов А. Г. Битова пронизан связью с другими текстами. Давно отмечена интертекстуальная насыщенность битовской прозы (см. об этом подробнее: [5]). Установка на интертекстуальность – это намеренная и последовательная работа с чужим словом, предполагающая различные формы его использования в тексте. Мир в представлении А.Г. Битова оказывается совокупностью множества разнородных и разнопорядковых текстов в их взаимодействии (Н. В. Кораблёва). Интертекстуальность, воплощающая «память культуры» (Ю. М. Лотман), «культурную опосредованность» (В. П. Руднев), вводит отдельное произведение в контекст всего творчества писателя и в общекультурный контекст, часто являясь ключом к глубинному пониманию текста. Обусловлена она фигурой героя-интеллектуала, обладающего уникальной культурной памятью. Роль интертекста в интерпретации различных версий сюжета в интеллектуальном романе очевидна: интертекстуальный ряд может отдавать предпочтение той или иной версии, делать её особенно убедительной, менять представления о хронотопе.

Интертекстуальным фоном «Дачной местности», как представляется, стал ряд произведений: для «Жизни в ветреную погоду» это книга Екклесиаста и стихотворение Н. Н. Матвеевой «Ветер», а для «Записок из-за угла» – жанровый код записок: «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского. (Этими произведениями, разумеется, не ограничиваются межтекстовые связи повести «Дачная местность» с мировой литературой.) Книга Екклесиаста непосредственно связана с эмоциональной тональностью текстов, которая воплощается в мотивах тоски, отчаяния, мнимой бессмысленности жизни, неизбежной смерти, суеты (суета – одно из самых частотных слов в «Дачной местности», что сближает повесть с библейским текстом; ср.: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!» (Еккл. 1:2)). Смысл жизни и неизбежность смерти становятся в центр философских раздумий Сергея

и рассказчика «Записок...». К концу дня Сергей даже «успевал от обилия раздражений, воспоминаний, ассоциаций, мыслей, идей» [2, с. 123]. «И тогда, – продолжает повествователь, – он выдергивал из грядки идей одну произвольно избранную, обкатывал её наспех, обсасывал слегка и преподносил за чаем жене, тем более испытывая возбуждение и волнение, что необходимо было хоть как-то избавиться от них» [Там же]. За всеми этими мыслями скрывается потребность «освободиться и приблизиться к живой правде», по выражению Сергея [Там же]. Страшным миром смерти и отчаяния предстаёт угол в комнате Сергея на втором этаже дачи (возможно, отсюда название «Записок из-за угла»), покрытый паутиной. Паутина и паук вызывают устойчивую ассоциацию с прозой Ф. М. Достоевского: сон Ипполита в «Идиоте», размышление Свидригайлова о баньке с пауками, которая символизирует небытие вместо вечности, в «Преступлении и наказании». Паук, высасывающий жизнь из жертвы, попавшей в паутину, – таким образом может обернуться бездеятельная жизнь, «жизнь во смерти» (В.В. Набоков). Любопытно, что праздные гости Сергея, в которых отражался он, ещё не приблизившийся к тайне жизни, «повосхищались его вторым этажом – его кабинетом с паутиной» [Там же, с. 141], т. е. были связаны с небытием, которого Сергей избежал, оставшись с любимыми людьми.

Поэтому ясно, что бессмысленность и неизбежность смерти не гарантируют бессмысленности жизни. Для А. Г. Битова смыслом является творчество в широком смысле слова – созидательная энергия человека, которая позволяет творить искусство и порождать себе подобных. Рассказчик «Записок...» размышляет об этом, но в довольно скептическом тоне: «... можно всего лишь начать рассуждения с другого конца и напирать на то, что все начинается с рождения, с весны, с первых радостей сознания... и действительно, это – силы созидания. Так происходит в быту оптимизм и пессимизм: куда взглянуть, в начало или в конец своей книги... но и то и другое – лишь наши спасения и поражения, эфемериды» [Там же, с. 162]. Однако не «эфемерида» сама жизнь, над которой у человека есть символическая власть в слове: «Он (Сергей. – Д. К.) возил сына по поселку, как по огромному букварю... Они видели речку, он говорил сыну: “Видишь, речка?” – сын смотрел на речку, Сергей говорил: “Это речка”, и это была действительно речка. Он говорил сыну: “Вот коза”, и это была действительно коза. Он говорил сыну: вот дерево, вот мальчик, вот дом, – и все это было действительно так, как он это ему говорил. Сергей бы не мог сказать сейчас в словах, в чем дело и что с ним творится. Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, что редко кто стоял» [Там же, с. 139].

Жизнь, которая напоминает ветер из стихопесни Н. Н. Матвеевой (её напевают гости Сергея), на самом деле может «сдуть» «с домишек крыши, / Как с молока – пену», может сломать ветлу, сровнять сад (т. е. привести к разрушению, смерти), изменить окружение человека и его личность. Однако в песне утверждается, что «Аж корешок редьки / Из почвы сам вылез. / И, подкатясь боком / К соседнему саду, / В чужую врос грядку / И снова там вырос». Грядущие изменения неизбежны, как и появление новой жизни. Поэтому: «Какой большой ветер! / Ах, какой вихрь! / А ты сидишь тихо, / А ты глядишь нежно».

Созидательная энергия записок, в которых словно «выговаривается» рассказчик, делясь своими сомнениями о гармоничном устройстве мира и смысле человеческой жизни в катастрофическую эпоху (отсюда – образ войны, который едва намечен в «Дачной местности»), позволяет преодолеть онтологическую трагедию: смыслом оказывается, говоря словами Б. Л. Пастернака, «и творчество, и чудотворчество», т. е. продолжение жизни в другом человеке (в том числе посредством текста, который проецирует смыслы в читателя). Не случайно поэтому в конце «Жизни в ветреную погоду» Сергей думает о том, что сейчас вернётся к жене и сыну, ведь жизнь с ними и оказывается подлинным счастьем, которое герой по-бунински остро ощущает: «Он ещё постоял немного и был счастлив. Мысль о том, что он обязательно увидит ее в городе, неотчётливо существовала в нем. Ещё он с внезапной, резкой нежностью подумал о жене и сыне, о доме, куда он сейчас вернется, и снова о жене, что он сейчас её увидит, как после долгой разлуки...» [Там же, с. 147].

Пустота Сергея, которую он пытался заполнить мнимым содержанием (мысли о насилии и самоубийстве, сосредоточенные в пистолете-игрушке; бессмысленные поездки в город; скучающие ссоры с близкими и т. д.), вместив в себя жизнь Другого человека, размыкается и открывается всему миру: «Вечерами, когда он, опустошённый, с лёгким, нереальным звоном в голове, спускался вниз и пил с женой чай, он думал, что именно это называется счастьем. <...> И Сергею казалось, что это тот самый мир и покой, которые он будет вспоминать всю свою жизнь – ведь жизнь неизвестно как ещё может повернуться» [Там же, с. 148]. (К слову, о чём-то подобном в 1960-е годы писал А. Д. Синявский, назвав содержимое А. С. Пушкина пустотой: под пустотой здесь подразумевается открытость любому содержанию, не замкнутостью перед бытием.)

Содержимым может оказаться даже мысль о смерти, в которой, по мысли рассказчика «Записок...», кроется разгадка смысла человеческой жизни. Непрерывное осмысление феномена смерти заставляет вновь и вновь возвращаться к феномену жизни. Формой же овеществления жизни

даже после смерти может быть творчество, которое рождается из тяги победить небытие: «Кто-то сказал, что всё великое рождалось при размышлении о смерти. Что же такое размышление, как не приближение того, о чём думаешь? Это всё произойдёт с тобой сегодня, завтра, сию секунду. И в этом – ты, в этом – Бог» [Там же, с. 199]. Возможно, в этом пассаже рассказчик вспоминает об оде Г.Р. Державина, в которой декларируется наличие божественной сущности Творца внутри человека, и евангельский образ Христа, который упразднил смертью смерть. Не случайно синтаксическая структура последних строк записи под названием «27 октября 1963 (Молитва)» напоминает архаизированные речевые конструкции жанра молитвы – с повторами (союз «и» в сильной позиции начала предложения и частотность личного местоимения «Я»), обращениями к Богу, абстрактной возвышенной лексикой (*грех, ближний, путь, любовь*). После обращения к Богу рассказчик принимает жизнь, в которой смысл заключён в Другом: «Теперь можно жить. Можно, оказывается, жить так, что любовь твоя будет любовью, дело – делом» [Там же, с. 200]. Жизнь перестаёт быть скованной в условности общественных норм и правил, ничего не значащих слов и идей, а становится похожей на «обычную жизнь», в которой есть место любви: «Больше не может быть обид, и счетов, и суда, и мерзкого стыда за ближнего и за себя лишь оттого, что рядом люди» [Там же]. Именно это слово – *любовь* – стыдливо возникает в сознании и Сергея, когда он думает об отце. А потом рефреном повторяется в его мыслях о сыне и жене.

Символично, что повесть «Записки из-за угла» (а вместе с ней – «дубль» «Дачная местность») завершается несколькими рядами почти пушкинских многоточий. Семантически значимой вновь оказывается пустота, отсутствие чего-то (в данном случае – текста). Открытость миру и личностное развоплощение, освобождение субъекта подчёркиваются А. Г. Битовым в нарративной фигуре «открытого финала», размыкающего смысл в пространство уже не автоинтерпретации рассказчиком, а реинтерпретации текста читателем.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963. 363 с.
2. Битов А. Г. Аптекарский остров. Первое измерение. Санкт-Петербург: Редакция Елены Шубиной, 2013. 448 с.
3. Интервью Ю. А. Карабчиевского Сергею Шаповалу // Уральская новь. 1998. № 1.
4. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. Москва: Высшая школа, 2008. 405 с.
5. Кораблёва Н. В. Интертекстуальность литературного произведения (на материале романа А. Битова «Пушкинский дом»): дис. ... канд. филол. наук :

- 10.01.08 / Н.В. Кораблёва ; Донецкий государственный университет. Донецк. 1999. 189 с.
6. Котомцев Д.О. Интеллектуальный роман: к вопросу о генезисе // Актуальные проблемы науки : взгляд студентов : в 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2022. С. 51–54.
  7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература : 1950–1990-е годы : в 2 т. Т. 2 : 1968–1990. Москва : Академия, 2003. 688 с.
  8. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути (М. Пруст. «В поисках утраченного времени»). Санкт-Петербург : Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997. 572 с.
  9. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Москва : Правда, 1990. 479 с.
  10. Попов Е.А. Битов. Единственный экземпляр // Дружба народов. 2017. № 5. С. 174–176.
  11. Ратке И.Р. Русская интеллектуальная проза 20-х годов XX века (Б. Пильняк, Е. Замятин, В. Набоков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И.Р. Ратке ; Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2005. 24 с.
  12. Сурат И.З. Человек в стихах и прозе: Очерки русской литературы XIX–XXI вв. Москва : Институт мировой литературы, 2017. 344 с.
  13. Тугушева Э.Ф. «Записки из-за угла» А.Г. Битова как метапоэтический текст // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 90–94.
  14. Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. Санкт-Петербург : Академический проспект, 2006. 317 с.
  15. Шаньшань Ч. Экзистенциальные мотивы в творчестве А. Битова 1960-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 4 (872). С. 148–153.
  16. Якунина И.А. Повествовательная идентичность в прозе А. Битова 1960-х – 1970-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И.А. Якунина ; Магнитогорский государственный университет. Магнитогорск, 2009. 19 с.

INTELLECTUALISM AS A GENRE STRATEGY (Based on the material of the novel by A. G. Bitov “Country Area”)

D. O. Kotomtsev

Luhansk State Pedagogical University, Lugansk

The article offers an analysis of the intellectual beginning in the poetics of A.G. Bitov’s “double” – the stories “Life in windy weather” and “Notes from around the corner”. It is shown how the forms of intellectuality (“plot of thought”, essayism of literary philosophizing, auto- and reinterpretation of textual reality) organize the narrative structure of the “Suburban area” and its value-semantic concept.

Keywords: *intellectualism, poetics, narrative of enlightenment, these are narratives.*

Об авторе:

КОТОМЦЕВ Дмитрий Олегович – ассистент кафедры русской и мировой литературы Луганского государственного педагогического университета (91000, Луганск, ул. Оборонная), e-mail: dima_kot_94@mail.ru.

About the author:

KOTOMTSEV Dmitry Olegovich – Assistant at the Department of Russian and World Literature, Lugansk State Pedagogical University (91000, Lugansk, Oboronnaya str.), e-mail: dima_kot_94@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2024 г.

Дата подписания в печать: 14.03.2025 г.